

На кухне, в отблесках каминного пламени и света звезд, как обычно свернувшись калачиком у камина, вышивала Ализэ. Пятно сажи на щеке, еще одно под глазом, рваные полосы копоти на юбках — на все это девушка не обращала внимания.

Она замерзла, а лучше сказать, продрогла до костей.

Не раз Ализэ мечтала, чтобы ее тело было соткано из петель, тогда она распустила бы их на груди, заполнила пустоту углем, подлила керосина. Чиркнула бы спичкой.

Но увы.

Бережно держа в руках вышивку, девушка подобрала юбки и придвинулась к камину. Ей предстояло закончить работу над затейливым роскошным платьем для незаконной дочери лоудженского посла. В этом месяце заказов больше не предвиделось, но Ализэ тешила себя надеждой, что расшитый ее руками наряд привлечет внимание на балу или званом обеде, где у модниц и возникает зависть и желание заполучить такой же туалет. Пока королевство не ведет войн, званые балы при дворе — частое явление, и Ализэ найдет

способ вытрясти монеты из дорогих кошельков королевских придворных, неважно, законнорожденные они или нет.

Вздрогнув от холода, девушка чуть не упала в огонь и едва не пропустила стежок. Как-то ребенком Ализе заledenела настолько, что заползла прямиком в топку. Она инстинктивно искала тепло и еще не понимала, что в пламени можно сгореть. Не понимала Ализе и того, насколько уникален ее недуг — зарождающаяся внутри стужа — болезнь, редкая даже для ее народа, а уж им странностей было не занимать.

Просто чудо, что малышка тогда не погибла в огне: одежда на ней загорелась, а дом заволокло едким дымом, от которого щипало глаза. Ализе поняла, что ее плану не суждено сбыться, по душераздирающему крику матери. Расстроенная, малышка заплакала ледяными слезами: она так и не согрелась, а ее уже вытаскивали из огня руки родительницы — те самые, шрамы от ожогов на которых Ализе будет изучать все последующие годы.

— Посмотри, что у нее с глазами! — запричитала мать, обращаясь к вбежавшему на крики мужу. — За такое ее убьют...

Девушка потеряла глаза и кашлянула, вспоминая эту много раз пересказанную родительницей историю, которая так въелась в память, что голос матери чудился Ализе словно наяву.

Она проглотила вставший в горле комок сажи. Пальцы совсем заledenели. Измученная, девушка выдохнула свою печаль в огонь — прочь эту копоть, мешающую жить. И тут же закашлялась во второй раз, да так сильно, что проколола мизинец. Неожиданно

спокойно приняв резкую боль, Ализэ аккуратно вытащила иголку и осмотрела ранку.

Прокол оказался довольно глубоким.

Уставившись в камин невидящим взглядом — уже в шестнадцатый раз за эту ночь, — Ализэ медленно разжала пальцы, отпуская шелковое платье — тончайшая ткань мгновенно впитывала кровь. Девушка перекусила нитку и швырнула вышитый драгоценными камнями наряд на стул.

Ничего страшного — Ализэ знала, что ее кровь не оставит следа. Однако отдохнуть не мешало, и мастерица оценивающе оглядела лежащую на стуле работу. Тяжелый лиф платья опал на юбку, напоминая плюхнувшегося на стул ребенка. Шелковая ткань обвила деревянные ножки, бисерная вышивка мерцала, отражая свет. В плохо закрытое окно ворвался сквозняк, погасив пламя единственной свечи, и самообладание Ализэ потухло вместе с ней. Платье, шурша, соскользнуло вниз, тяжелый рукав упал со стуком на закопченный пол.

Ализэ вздохнула.

Как и другие ее работы, этот наряд не отличался особым изыском: банальный, устаревший рисунок, сносный, и не более того, фасон. Ализэ же мечтала воплощать в жизнь свои собственные смелые задумки, творить по воле воображения, однако страх выдать себя всегда заглушал эти порывы.

Огненное Соглашение джинны и люди заключили не так давно — еще при жизни бабки Ализэ, а до этого тысячелетиями народы разделяла непримиримая вражда. Несмотря на внешнее сходство с людьми, тела джиннов были созданы из огненной стихии, и это на-

деляло их особыми преимуществами. Людей же долгое время называли глиной, ибо считалось, что они произошли из грязи и воды. Джинны пошли на заключение Соглашения, несмотря на то, что противоречия между двумя расами так и остались неразрешенными; от нескольких веков нескончаемого кровопролития устали обе стороны, никто больше не хотел смертей.

В честь шаткой эпохи перемирия мостовые города были покрыты позолотой, а все атрибуты с королевским гербом — с почестями преображены. Теперь каждый флаг и каждая монета королевства гласили:

МЕРАС

Да воцарится Равенство навек.

Равенство, как оказалось, означало, что джиннам придется низринуться до слабости людей, отвергнув свои уникальные способности: скорость, силу и умение становиться невидимыми. Король объявил все это «противоестественными деяниями», которые карались смертью. Этот кусок глины оказался просто неуверенным в себе созданием, которому всюду мерещились изменники. Ализэ все еще слышала крики с улиц и шум доносящихся беспорядков...

Но сейчас она не спускала взора с этого посредственного платья.

Она всегда старалась делать не слишком изысканные вещи; уникальные работы проходили более строгий контроль и частенько объявлялись плодом сверхъестественных способностей.

Лишь однажды Ализэ, почти отчаявшись заработать себе на пропитание, решила впечатлить заказчика

не красотой изделия, а своим мастерством. Сшитое ею платье оказалось не только на порядок качественнее изделий местных модисток, но и было готово всего за четверть установленного срока, и плату она брала вдвое дешевле.

Эта оплошность едва не отправила ее на виселицу.

В магистрат на Ализе донес не заказчик, а портниха, упустившая работу. Лишь чудом девушке удалось скрыться в ночи от преследователей, и она бежала из родной деревушки в город, надеясь затеряться среди толпы.

Если бы Ализе могла избавиться от своего бремени! Но ей нельзя было выделяться, ведь ее родители жизни свои положили ради того, чтобы она могла вести спокойное существование, а потому вести себя неосторожно значило свести на нет их усилия.

Ализе давно научилась отказываться от своих чаяний и надежд.

Девушка встала, и вместе с ее юбками взметнулось облако сажки. Надо было вычистить кухонный очаг до того, как утром спустится госпожа Амина, иначе Ализе, скорее всего, снова окажется на улице. Несмотря на все ее старания, это случалось чаще, чем она могла сосчитать. Ализе знала, что для избавления от джинна особые причины не нужны, но эти мысли ее не утешали.

Она взяла метлу и слегка вздрогнула, когда огонь совсем угас. Было поздно, очень поздно. Что-то в мерном тиканье часов заставило сердце Ализе сжаться. Она всегда боялась темноты, хотя и не знала почему. Ей больше нравилось шить при свете солнца, но в это время она скребла полы и мыла уборные Баз Хауса,

величественного поместья Ее Светлости, герцогини Джамилы Фетрусской.

Ализэ никогда не встречалась с герцогиней лично и только издали видела эту блистательную пожилую женщину. Все дела с прислугой вела госпожа Амина, экономка, которая назначила Ализэ испытательный срок из-за отсутствия у нее рекомендаций. Без них Ализэ не полагалось ни общаться с остальными работниками, ни собственной комнаты в крыле для слуг. Вместо этого ей отвели гнилой чулан на чердаке, где были только раскладушка, изъеденный молью матрас и половинка свечи. Свою первую ночь в Баз Хаусе Ализэ пролежала на узкой койке без сна и едва дыша. Ей не было дела ни до плесени, ни до моли: Ализэ считала, что ей сказочно повезло. Получить работу в таком богатом доме, когда ты джинн, само по себе было чудом, а ей еще и позволили остаться здесь и получить передышку от стужи зимних улиц...

Конечно, после смерти родителей Ализэ не устраивалась на работу, и ей часто разрешали ночевать в сарае или на сеновале; но собственной комнаты у нее не было никогда. Впервые за многие годы у Ализэ появилась возможность уединиться, и она была так переполнена счастьем, что боялась, как бы пол под ней не провалился. Той ночью, пока она изучала деревянные балки потолка, опутанные паутиной, ее била дрожь. И даже когда здоровенный паук размотал нить и опустился перед самым лицом Ализэ, она лишь улыбнулась, прижимая к груди бурдюк с водой.

Это было единственным, о чем она попросила.

— Воды? — нахмурившись, переспросила госпожа Амина так, словно Ализэ сказала, что хочет съесть ее дитя. — Ты и сама можешь достать себе воду, девочка.

— Простите меня, — ответила Ализэ, опуская глаза на порванную кожу своих туфель, которые еще не успела заштопать. — Я совсем недавно в городе и пока не знаю, где тут можно раздобыть пресную воду. Поблизости нет водоемов, а купить что-то на рынке я пока не могу себе позволить...

Госпожа Амина разразилась смехом.

Ализэ замолчала, чувствуя, как краснеет. Она не понимала, почему над ней смеются.

— Так ты не умеешь читать, дитя?

— Умею, — возразила Ализэ.

Она невольно подняла глаза, услышав боязливый вздох госпожи Амины. Та сделала шаг назад, ее улыбка исчезла.

— Тогда постарайся забыть, как это делается.

— Прошу прощения? — начала было Ализэ.

— Не глупи. — Глаза госпожи Амины превратились в узкие щелочки. — Никому не нужна грамотная прислуга. Ты сама рушишь себе будущее своим языком. Откуда ты, говоришь, родом?

Ализэ замерла.

Она не могла понять, злая эта женщина или добрая, но, впервые услышав такой совет, задумалась, вдруг именно ее сообразительность была виновницей всех несчастий? Может быть, если Ализэ будет вести себя осторожно, ей наконец удастся сохранить работу дольше нескольких недель. В обмен на безопасность девушка вполне готова была притвориться глупенькой.

— С севера, госпожа, — тихо ответила она.

— Твой говор не похож на северный.

Ализэ чуть было не призналась, что росла в относительной изоляции и разговаривала так, как говорили ее наставники; но, вспомнив свое положение, промолчала.

— Как я и думала, — обронила госпожа Амина в наступившей тишине. — Избавься от этого нелепого акцента. Ты говоришь, как ни на что не способная дуручка. Лучше вообще не открывай рот. Если сможешь оказаться полезной, я найду тебе применение. Говорят, джинны выносливы, и я ожидаю, что твоя работа будет соответствовать слухам, иначе вышвырну тебя обратно на улицу. Я ясно выразилась?

— Да, госпожа.

— Можешь взять свой бурдюк с водой.

— Спасибо, госпожа.

Ализэ сделала реверанс и уже почти развернулась, чтобы удалиться.

— О, и еще кое-что...

Девушка остановилась.

— Да, госпожа?

— Найди себе сноду как можно скорее. Больше никогда не хочу видеть твоего лица.

2

Едва отворив дверцу своей каморки, Ализэ тут же почувствовала его — ощутила его присутствие так, словно сунула руки в рукава теплого зимнего пальто. Девушка замерла на пороге, сердце отчаянно колотилось.

Глупенькая.

Она тряхнула головой. Ей все привиделось, наверняка из-за нехватки сна. После чистки очага Ализэ так долго оттирала руки и лицо от копоти, что совсем обессилела, и ее усталый рассудок вполне мог выдать что-нибудь бредовое.

Вздыхнув, девушка шагнула в непроглядную темноту комнаты, вслепую нащупывая спичку и свечу, что всегда держала подле двери. Уносить по вечерам второй огарок наверх госпожа Амина не позволяла, считая это поблажкой. Она и не думала, что Ализэ продолжит работать после того, как погасят газовые лампы, так что приходилось подниматься наверх в темноте. В таком большом поместье свету на чердаке взяться было неоткуда. Если не считать редких лунных лучей, пробивающихся сквозь заросшее коридорное окошко, ночью чердак становился чернее смолы.

Если бы не отблески ночного неба, что помогали пробираться по многочисленным лестницам к ее камерке, Ализэ ни за что бы не отыскала дорогу туда. В кромешной тьме ее настигал такой сильный парализующий страх, что она предпочла бы встрече с мраком смерть.

Огонек спички лизнул воздух, и заветная свеча быстро отыскалась. В центре комнаты появился теплый шар света, и впервые за день Ализэ расслабила плечи.

Тихо прикрыв за собой дверцу, она вошла в камерку, столь крохотную, что в ней едва умещалась раскладушка.

Но Ализэ здесь нравилось.

Она драила этот грязный чулан до крови на костяшках пальцев, до боли в коленях. В таких старинных красивых поместьях все когда-то было задумано прекрасным, и под слоями плесени, паутины и въевшейся грязи Ализэ обнаружила изящный пол с узором в елочку, а на потолке — массивные деревянные балки. После уборки комната просто сияла.

Разумеется, госпожа Амина не заглядывала в этот чулан с тех пор, как его отдали прислуге, но временами Ализэ гадала, что бы сказала экономка, увидев комнатку сейчас. Впрочем, Ализэ уже давно научилась быть находчивой.

Она сняла сноду, размотав тонкую тюлевую ткань, обернутую вокруг глаз. Шелк был обязательным атрибутом всех, кто работал в услужении, а эта маска — достаточно свободная, чтобы прятать верхнюю часть лица, но не мешающая смотреть через нее, — указывала на принадлежность к самому низшему классу. Ализэ выбрала работать прислугой не просто так: это

помогало ей быть незаметной. И хотя теперь люди не могли разглядеть ее странных глаз, Ализэ все равно редко выходила из дома, опасаясь, как бы однажды их не увидел не тот человек.

Она глубоко вдохнула, прижав кончики пальцев к вискам, и мягко помассировала лицо, которое, казалось, не видела уже много лет. Зеркала у Ализэ не было, а случайно брошенные мимоходом взгляды в зеркала Баз Хауса отражали только нижнюю часть ее лица: губы, подбородок и шею. В остальном Ализэ была просто безликой служанкой, одной из десятков, и воспоминания о том, как она выглядела — или как ее описывали другие — девушка имела смутные. В памяти сохранился шепот матери на ухо, ощущение мозолистой руки отца на щеке.

«Ты лучшая из всех нас», — сказал он однажды.

Снимая туфли и убирая их в угол, Ализэ прикрыла глаза от нахлынувших воспоминаний. За прошедшие годы ей удалось скопить достаточно лоскутков ткани, чтобы сшить себе одеяло и подушку. Свои одежды — платье, корсет и сноду — она вешала на старые гвозди, аккуратно обмотанные разноцветными нитками, а остальные вещи хранила в кем-то выброшенном ящике из-под яблок, который нашла в одном из курятников.

Стянув чулки, Ализэ повесила их на натянутую бечевку — проветриваться. Она привыкла держать все в чистоте, ведь если у тебя нет дома, его можно создать самому. Даже если у тебя ничего нет.

Сидя на койке в одной сорочке, Ализэ не переставала зевать, и пока матрас медленно проседал под ее весом, девушка вытаскивала шпильки из волос. Про-

шедший день давил ей на плечи, как и тяжелые густые локоны.

Мысли путались.

С большой неохотой Ализэ задула свечу, подтянула ноги к груди и скорчилась, точно крошечное насекомое. Непонятный страх всегда заставлял ее ломать голову, ведь когда она ложилась спать и закрывала глаза, темнота переставала так пугать, и, даже дрожа от привычного холода, Ализэ быстро погружалась в сон. Она набросила на плечи мягкое одеяло, стараясь прогнать мысли о том, насколько замерзла, — вообще все мысли. Но дрожь была такой сильной, что девушка даже не сразу заметила, как он сел. Когда его вес продавил матрас в изножье кровати, Ализэ подавила вскрик.

Ее усталые глаза распахнулись. Она судорожно ощупала подушку, похлопала по одеялу и матрасу. Но ни на кровати, ни в комнате никого не было.

Почудилось ли ей? Ализэ потянулась за свечой, но выронила ее — так дрожали руки.

Конечно же, все это был сон.

Но тут матрас застонал — невидимый вес сместился — и Ализэ так испугалась, что перед глазами заплясали искры. Она отшатнулась, ударившись головой о стену, и отчего-то боль немного притупила панику.

Послышался резкий щелчок, и пламя, забившееся между его пальцами, осветило нежданного гостя.

Ализэ перестала дышать.

Она не смогла узнать его по силуэту, не сумев разглядеть как следует, — но ведь печально известным дьявола делает не внешность, а голос.

Ализэ знала это как никто другой.

Дьявол редко является в подобии плоти и никогда не говорит внятно или доходчиво. Он не так могущественен, как гласит его наследие, ибо ему запретили говорить так, как разговаривают другие: он навечно обречен изъясняться загадками, и позволено ему лишь подталкивать человека к гибели, но не повелевать им.

Заявлять о знакомстве с дьяволом в обществе не принято, как и говорить о его методах, ибо присутствие такого зла можно только ощутить.

Вот и Ализэ не хотелось быть исключением.

По правде говоря, это дьявол первым поздравил ее с рождением в колыбели, а его непрощенные шифры были так же неотступны для девушки, как сырость после дождя. Родители Ализэ отчаянно старались прогнать чудовище, но оно возвращалось снова и снова, расписывая гобелен ее жизни зловещими предчувствиями и суля беды, которых она, казалось, избежать не могла.

Даже сейчас Ализэ слышала голос дьявола, ощущала его подобно воздуху внутри своего тела, словно зловещее дыхание, пронизывающее до самых костей.

— *Жил когда-то человек,* — прошептал он.

— Нет, — едва не выкрикнула Ализэ в панике. — Только не очередная головоломка... пожалуйста...

— *Жил когда-то человек,* — повторил дьявол, — *и змей на плечах он носил.*

Ализэ зажала уши обеими руками и замотала головой; еще никогда в жизни ей так сильно не хотелось плакать.

— Пожалуйста, — повторяла она, — пожалуйста, нет...

Но он продолжил:

*Жил когда-то человек
И змей на плечах он носил.
Пока змеи досыта ели,
Времени ход ему не грозил.*

Ализэ крепко зажмурилась и подтянула колени к груди. Дьявол не замолкал, а спрятаться от него она не могла.

— *А что они ели, не ведал никто, хотя и шумела молва...*

— Пожалуйста, — снова взмолилась Ализэ. — Пожалуйста, я не хочу знать...

*А что они ели, не ведал никто,
Хотя и шумела молва:
Кости, мозги, черепа на земле
И детей находили тела.*

Ализэ порывисто втянула воздух, и дьявол исчез — испарился, его шепот пропал. Внезапно комната задрожала, тени на стене зашевелились и вытянулись, и в искаженном свете на девушку уставилось странное, размытое лицо. Ализэ прикусила губу — так сильно, что ощутила вкус крови.

Это был юноша, которого она никогда раньше не видела.

В том, что это человек, у Ализэ не было сомнений, но что-то в облике юноши отличало его от других. В тусклом свете он казался не вылепленным из глины, а высеченным из мрамора: лицо его имело жесткие

черты, среди которых выделялся мягко очерченный рот. И чем дольше Ализе смотрела на юношу, тем сильнее билось ее сердце. Неужели, это и есть человек со змеями? Но зачем ей знать о нем? Почему она должна верить хоть одному дьявольскому слову?

А впрочем, ответ на последний вопрос она уже знала.

Разум Ализе все больше впадал в смятение, «отвернись, — кричал он ей, — это безумие», но...

Вверх по шее поползло тепло.

Ализе не привыкла смотреть на чье-либо лицо так долго, но это было невероятно красивое лицо: благородные черты, все эти прямые линии и впадины, небольшая спокойная надменность. Склонив голову, юноша разглядывал ее, особенно пристально изучая глаза. Его интерес разжег внутри Ализе позабытое пламя, взбудоражив уставший разум.

А затем из сгустка тьмы возникла его рука — он скользнул Ализе пальцем по губам, глядя ей прямо в глаза, и исчез.

И она закричала.

